Егорий и змей

Во граде было во Антоние,
При царе было при Агее при Евсеиче,
При царице Оксинии,
Когда веровали веру истинную христианскую,
Тогда не бывало на Антоний-град
Никакой беды, ни погибели.
Когда бросили они веру истинную христианскую,
Начали веровать латинскую бусурманскую,
Тогда Господи на них прогневался:
Напустил на них змея лютого,
Змея лютого поедучего.
Выедает змей лютый
Все царство царя Агея Евсеича.
Тогда князья-бояра
На соймище собирались,
Соборы они соборовали,
И жеребьи закладывали:
Кому наперед зверю достануться
На съедение, на смертное потребление?
И царя они Агея Евсеича
На совет призывали,
Называли его товарищем,
И жеребий за него закладывали.
Доставался ему резвый жеребий
Ко лютому зверю на съедение,
На смертное употребление.

Тогда царь Агей Евсеевич
Пошел на свой на царский двор
Невесел и нерадошен,
Припечалимши, прикручинимши.
Его резвья ноги подгибаются,
Белья руци опустилися,
Буйная головушка с плеча свалилася,
Ясны очи погубилися,

Сахарны уста помрачилися,
Белое лицо его приузмёркнулось,
На буйной главе его власы щётом стали.
Тогда увидела его молодая царица Оксинья,
Возговорила она ему таковые словеса:
«О сударь ты мой, царь Агей Евсеевич!
Когда ты, сударь, таков бывал?
Что ты идешь не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему,
Припечалимши и прикручинимши?»
Отвечал ей царь Агей Евсеевич:
«Ой ты еси, моя царица Оксиния!
Не знаешь ты ничего, не ведаешь, —
За наше великое согрешение,
За многое беззаконие
Наслал на нас Господи змея лютого,
Змея лютого, поедучего;
Выедает лютый зверь все мое царство,
Царя Агея Евсеевича.
То со той поры царя-бояре
На соймище собиралися,
Соборы они соборовали,
И жеребья закладывали,
Кому наперед достанется
К змею на съедение
И на смертное потребление.
И меня они, царя, на совет призывали,
Называли они меня товарищем,
И жеребье за меня закладывали;
Доставался мой резвый жеребей
Наперед мне идти
К лютому зверю на съедение!»
Отвечала ему царица Оксиния:
«Не кручинься, мой друг, не печалься!
Есть у нас с тобой чадо милое,
Молодая Прекрасная Лисафета, —
Она нашей-то веры не верует,
И трапезу не трапезует,
Она верует веру истинную христианскую,

По-старому и по-прежнему,
И святому Егорию Храброму.
Предадим мы ее ко лютomu зверю на съедение,
На смертное потребление».
Тогда же царь Агей Евсеевич
Со царицею со Оксиниею
Приходили в палату в белокаменную,
Да где же пребывает молодая Елисафета.
Возгóворили они к ней такая словеса:
«Ой ты гой еси, наше чадо милое,
Молодая, Прекрасная Елисафета!
Умывайся ты, наряжайся во цветное платье,
Подпояшь свой шелкóв пояс сорока пядень. —
Уже замуж мы тебя просватали».
Молодая Прекрасная Елисафета догадалася,
Отвечала им таковыя словеса:
«Осударь ты мой родной батюшка,
Осударыня родна матушка!
Слышит мое сердце, —
Не замуж вы меня собираете,
На смертный час вы меня соряжаете,
Ко лютomu зверю на съедение,
На смертное потребление,
Предаете вы меня к смерти скорой!»
Тогда царь Агей Евсеевич
Берет ее за ручку правую,
Ведет ее во чисто поле.
Постановил ее близ синя моря
На крутым на бережочке,
На сыпучием на песочке,
И сам он грядёт во Антоний-град.
Тогда молодая Прекрасная Лисафета
Оставалась единая близ синя моря,
На крутом берегу, на песке сыпучем;
Она плакала, зело рыдала,
Взирала очами на небо,
Призывала Бога на́ помочь,
И Матерь Божию Богородицу,
И святого свет Егория Храброго.

Из чистого далеча поля
Приезжал к ней Егорий Храбрый
На своем на осле на белыем.
Возговорил он ей таковыя словеса:
«Ой ты гой еси, молодая Прекрасная Лисафета!
Что ты единая стоишь близ синя моря?
О чем ты плачешь, зело рыдаешь,
Взираешь ты на небо,
Призываешь Бога на помочь,
И Мать Божию Богородицу,
И святого Егория Храброго?»
Тогда молодая Прекрасная Лисафета
Не узнала святого Егория Храброго,
Называла его добрым мблодцем:
«Вывел меня батюшка
Ко лютому зверю на съедение,
На смертное потребленье,
Предают они меня смерти скорой!»
Речет святой Егорий Храбрый:
«Ой ты, ты гой еси, молодая Прекрасная Лисафета!
Садись ты, смотри в моей буйной главе пороха,
А очми взирай на синее море.
Когда сине море восколéбнется,
Тогда лютый змей подыметя, —
Ты скажи мне: Егорий Храбрый!»
Тогда молодая Прекрасная Лисафета
Садилась, смотрела в буйной главе пороха
У святого Егория Храброго,
А сама взирала очми на синее море.
Синее море разливалось,
Тогда лютый змей подымается,
Переплывает змей через синее море
Ко копытечку ко ослу белому.
Тогда молодая Прекрасная
Змея лютого испугалась,
Не посмела разбудить Егория Храброго;
Она плакала, зело рыдала,
Обронила свою слэзу святому на белó лицо, —
От того святой просыпается.

Сохватал он свое скипетро вострое,
Садился на осла на белого;
Он и бьет змея буйного
В голову, во проклятые его челюсти,
И сам речет Елисафете Прекрасной:
«Ой ты гой еси, молодая Прекрасная Лисафета!
Распояшь ты свой шелков пояс,
Свой шелков пояс сорока пядень,
Провздевай ты в его ноздри в змеёвыя,
Поводай змея во Антоний-град!»
Тогда молодая Прекрасная Лисафета
Змея лютого убоялася:
Не распоясала свой шелков пояс,
Свой шелков пояс сорока пядень.
Тогда святой Егорий Храбрый
Распоясал сам шелков пояс,
Провздевает он его в ноздри змеёвыя,
Он вручил змея молодой Прекрасной Лисафете.

Тогда молодая Прекрасная Лисафета
Повела змея во Антоний-град.
Приводила его на царский двор,
Воскричала она громким голосом:
«Ой ты гой еси, царь Агей Евсеевич
Со царицею со Оксиньею!
Ой вы гой еси, князья-бояре,
Християне православные!
Бросьте вы веру латынскую, бусурманскую,
Поверуйте вы веру истинную христианскую,
По-старому и по-прежнему,
И святому Егорию Храброму!
Естьли вы не бросите,
Вы веру латынскую, бусурманскую,
Напущу я па вас змея лютого;
Поест он вас всех до единого,
И со старого до малого,
И царя Агея Евсеевича
Со царицею со Оксиньею!»
Тогда же царь со царицею
И все князья-бояре православные

Воскричали громким голосом,
Проливались горючі слёзы:
«Осударыня ты наша, матушка,
Прекрасная Лисафета!
Не пущай ты на нас змея лютого,
Змея лютого поедучего.
Бросим мы веру латынскую, бусурманскую,
Поверуем веру истинную христианскую,
По-старому и по-прежнему,
Егорию Храброму!»
Тогда молодая Прекрасная Лисафета
Повела змея на гору на каменную,
Постановила змея на камни,
Проклинать стала змея с ка́менем;
А сама грядет во Антоний-град.
Тогда царь Агей Евсеевич
Со царицею со Оксиньею
Воскричали громким голосом:
«Ой вы гой еси, бояре, христиане,
Ой вы гой еси, попы и священники наши!
Спускайте гласы колокольные,
Подымайте иконы местныя,
Служите молебны честные,
За Лисафетино моление,
За Егория Храброго страдание!»
Славен наш Бог, прославился!
Аминь.

(Записано в с. Репьевке Сызранского уезда Симбирской губ.)

Калеки переходные: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. В. 2 . М., 1861.